

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

УДК 93

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-121-128

Наталья Максимовна Митыпова,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирское отделение Российской академии наук

(г. Улан-Удэ, Россия),

e-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Обычное право бурят: интересы буддийского духовенства и родовой аристократии в правовом пространстве (вторая половина XVIII – XIX вв.)

Статья посвящена изучению правового положения буддийского духовенства и представителей родовой аристократии в памятниках обычного права бурят второй половины XVIII – XIX вв. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимоотношений буддийского духовенства и бурятских родоначальников в памятниках обычного права бурят указанного периода. Кодификация норм обычного права бурят происходила при непосредственном участии представителей родовой аристократии бурят. Однако в сборниках обычного права бурят со второй половины XVIII века наблюдается заметное увеличение роли и влияния представителей буддийского духовенства. Целью данного исследования является изучение особенностей взаимодействия буддийского духовенства и представителей родовой аристократии в памятниках обычного права бурят второй половины XVIII – XIX вв. В результате анализа памятников обычного права бурят, автор отмечает растущее влияние буддийских иерархов внутри бурятского общества данного периода. Вследствие чего наблюдается закрепление привилегированного положения буддийского духовенства в нормах обычного права наряду с представителями родовой аристократии бурят. Автор определяет, что, несмотря на широкие полномочия, закрепленные за бурятскими родоначальниками согласно нормам обычного права, они активно привлекали буддийских иерархов для решения спорных вопросов. Такое тесное взаимодействие бурятского нойонства и буддийских иерархов во многом было обусловлено родственными связями родовой аристократии и духовных лидеров - представители буддийского духовенства и родовой аристократии бурят нередко являлись выходцами из одной семьи. Для оценки взаимоотношений буддийского духовенства и родовой аристократии в памятниках обычного права бурят второй половины XVIII – XIX вв. были использованы следующие методы исторического исследования: историко-диахронный и сравнительно-типологический. Результаты данного исследования представляют интерес для историков, востоковедов и широкого круга читателей.

Ключевые слова: обычное право, племенная аристократия, буддийское духовенство, памятники обычного право, тайша

Natalya M. Mitypova,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(Ulan-Ude, Russia),

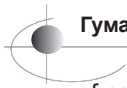
e-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Customary Law of the Buryat People: Interests of the Buddhist Clergy and Tribal Aristocracy in the Legal Space (Second Half of the 18th – 19th Centuries)

The article deals with peculiarities of the legal status of the tribal aristocracy and Buddhist clergy in the collections of customary law of Buryat people of the second half of the 18th – 19th centuries. Compiling collections of “steppe laws”, the tribal aristocracy actively adapted customary law in their interests, thereby securing their privileged position in society. From the second half of the 18th century, Buddhist clergy have been actively involved in the compilation of collections of customary law. Compiling answers to the requests of Russian Government, the Buryat tribal aristocracy and Buddhist clergy adapted traditional norms and customs with the aim

© Митыпова Н. М., 2019

of asserting their high legal position in society, and sought to vest themselves with broad powers. The study of monuments of customary law indicates the active integration of the clergy into the political life of society. As a result, the collections of customary law of Buryat people of the second half of the 18th – 19th centuries documented the broad powers of the tribal aristocracy and Buddhist clergy. The author used comparative typological and historical diachronous research methods. This article is of interest to a wide range of readers.

Keywords: customary law, tribal aristocracy, Buddhist clergy, collections of customary law, taisha

Введение. С момента включения Забайкалья в состав Российской империи перед царским правительством стояла задача создания эффективной системы управления регионом. Для решения данной задачи царская администрация опиралась на представителей родовой аристократии бурят. Однако в Забайкалье во второй половине XVIII века наблюдалась активная интеграция представителей буддийского духовенства в политическую жизнь бурят. Одним из проявлений данной интеграции стало стремление буддийского духовенства закрепить своё привилегированное положение в сборниках «степных уложений» наряду с бурятскими родоначальниками.

Памятники обычного права бурят составлялись как ответы на запросы имперского правительства дать информацию о правовых обычаях, на основе которых регламентировалась жизнь внутри бурятского общества. Данные ответы на запросы оформляли представители родовой аристократии бурят. Однако во второй половине XVIII века в памятниках обычного права забайкальских бурят наблюдается заметное увеличение роли и влияния представителей буддийского духовенства. Буддийские иерархи принимали активное участие в составлении «степных законов-уложений». Представители буддийского духовенства стремились закрепить своё положение во всех сферах общества, в том числе и в политической жизни региона.

Данное обстоятельство определило следующую ситуацию – соперничество между группировками нойонов выливалось также в борьбу за высшие должности церковной администрации [7, с. 19]. Однако в некоторых вопросах наблюдается складывание непосредственного союза между буддийским духовенством и бурятскими родоначальниками в достижении своих личных целей.

Таким образом, изучение корпуса источников по данной тематике позволяет рассмотреть особенности взаимоотношений буддийского духовенства и представителей родовой аристократии бурят в правовом пространстве второй половины XVIII – XIX вв., а также проследить процесс интеграции буд-

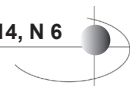
дийского духовенства в политическую жизнь региона указанного периода.

Начало исследований обычного права бурят соотносится с публикацией сборника обычного права сибирских инородцев Д. Я. Самоквасова в 1876 году [12]. В сборнике опубликованы сведения первой четверти XIX века в рамках программы по реформированию управления Сибирским краем. В нём опубликованы отчёты четырёх прибайкальских бурятских родов и фрагменты переводов Степных уложений двух забайкальских родов [15, с. 10]. Важно упомянуть статью Ц. Жамцарано и А. Турунова, в которой представлен обстоятельный обзор памятников обычного права монгольских племён [5]. В указанной статье памятники обычного права монгольских племён сгруппированы согласно племенному признаку.

Также проблематика обычного права бурят рассматривается в работах профессора В. А. Рязановского [10; 11]. Примечательно, что автор рассматривает обычное право бурят как составную часть монгольского права. Кроме того, В. А. Рязановским был систематизирован материал памятников обычного права бурят согласно отраслевому принципу. В своих исследованиях автор использовал рукописный материал с ценными указаниями и примечаниями Ц. Ж. Жамцарано.

В монографиях А. Т. Тумуровой [14; 15] исследуются проблемы обычного права бурят, в частности, проанализированы взаимоотношения представителей родовой аристократии и буддийского духовенства. Обычное право бурят рассматривается в монографиях Е. М. Залкинда, С. С. Балданова [1; 3]. Важно отметить большой вклад в изучение обычного права бурят Б. Д. Цибикова [16; 17]. Им были переведены и опубликованы памятники обычного права хоринских и селенгинских бурят, кроме того, дан краткий обзор источников.

Рассматривая взаимоотношения представителей родовой аристократии и буддийского духовенства в обычном праве бурят, необходимо отметить комплексные исследования К. М. Герасимовой, Т. Д. Скрынниковой, Н. В. Цыремпилова [4; 13; 18].

Привлекая архивный материал, авторы обстоятельно исследуют взаимоотношения ламаистской церкви Забайкалья и царского правительства, а также отношения с представителями родовой аристократии. Процесс становления ламаистской церкви и её взаимодействие с царской администрацией, а также с бурятскими родоначальниками рассмотрены в коллективных многотомных изданиях [6; 8].

Методология и методы исследования. В ходе проведённого исследования автором были использованы следующие методы исторического исследования: историко-диахронный и сравнительно-типологический. Применение данных методов позволило рассмотреть особенности взаимодействия буддийского духовенства и представителей родовой аристократии в памятниках обычного права бурят второй половины XVIII – XIX вв., проследить нарастающее присутствие буддийской церкви в правовых документах бурят.

Результаты исследования и их об-суждение. Как отмечают исследователи проникновение буддизма на территорию Забайкалья относится к XVII веку. Ламаизм проникал на территорию Забайкалья через монгольские этнические группы мигрировавших на территорию Российской империи из Монголии. Ранее всего ламаизм распространился среди селенгинских бурят, приблизительно в XVII, среди хоринских бурят – с середины XVIII века [7, с. 22].

Первые ламы появились в ставках селенгинских и хоринских князей. Бурятские родоначальники копировали властную модель соседнего монгольского государства, в структуре которых в конце XVII века буддийские ламы занимали видное место. Как отмечают исследователи, присутствие ламы, а также молельни с надлежащим пышным убранством возле тайши во многом поднимало его авторитет среди населения. В данном обстоятельстве можно провести параллели с другими регионами Азии, где представители родовой аристократии и правители рассматривали буддизм как источник легитимации их власти [2, с. 6].

Урегулирование вероисповедных дел бурят-буддистов связано с проведением государственной границы между Россией и Китаем по Буринскому договору в 1727 году [4, с. 23]. Приграничное положение Забайкалья во многом вынуждало царское правительство придерживаться осторожной политики в вопросах распространения буддизма в регионе. Позже данное обстоя-

тельство выразилось в «Инструкции пограничным дозорщикам» 1728 года, составленной Саввой Рагузинским. Так, согласно «Инструкции», «лам заграничных, чужих подданных не пропускать» и приложить все усилия для развития автономного местного ламства: «ежели оставшихся лам в российской стороне по нынешнему разграничению недовольно, то в таком случае выбирать их между собой из каждого рода по два мальчика благоразумных и к науке способных, дабы учились грамоте и прочему что надлежит, а потому выучатся совершенно, тех обнадеживать милостью императорского величества и в произведении чинов и в начальники» [Там же, с. 12].

Таким образом, из данного документа видно, что основные задачи, которые стремилось решить царское правительство, были следующими:

- 1) установление контроля над зарубежными религиозными связями бурят;
- 2) сосредоточение контроля над ламами в руках одного из родовых лидеров, централизация управления делами буддийской сангхи [18, с. 46].

Кроме того, «Инструкция» заложила основные принципы регулирования буддийского вопроса, которые способствовали активной интеграции буддийского духовенства в политическую жизнь бурятских родов. Мы видим важное решение имперских властей – это сосредоточение контроля над ламами в руках бурятского родоначальника. Российские власти прямо предписывали «на убылые ламские места выбирать из тайшинских, зайсанских и шуленгских детей достойнейших» [Там же, с. 51]. Требование замещать штатных лам из числа «старшинских зайсанских и шуленг» будет актуально вплоть до начала XIX века. Е. М. Залкинд считает, что данное обстоятельство связано с фискальными интересами царской администрации. Поскольку представители нойонства и члены их семей были освобождены от выплаты ясака, соответственно, чтобы не увеличивать число неподатного населения, целесообразнее выбирать из числа тех, кто уже пользовался данной льготой [3, с. 313].

Для упрочения позиций России в Забайкалье и соответственно на русском Дальнем Востоке следовало установить контроль над зарубежными религиозными связями бурят. Решение этой задачи Савва Рагузинский видел в лояльном отношении к верованиям бурят и учреждении основ автокефалии, то есть самостоятельного

управления вероисповедными делами бурят [7, с. 18].

К середине XVIII века формирование буддийской религиозной администрации набирает свою скорость. Религиозные буддийские центры при поддержке представителей родовой аристократии бурят ищут подтверждения своего статуса со стороны российских властей на местном уровне. Кроме того, инициатива о государственном регулировании буддийской общины исходит от самих представителей буддийского духовенства [18, с. 72].

Первым крупным сборником «степных законов» является Селенгинское уложение 1775 года, в котором уже содержатся статьи, которые защищают интересы буддийского духовенства. Данный памятник писаного права бурят представляет большой интерес, поскольку, как отмечает Б. Д. Цибилов, нормы права, которые в нём зафиксированы, были составлены бурятами без постороннего вмешательства [16, с. 11].

Так, статья 71 данного Уложения освобождала духовное лицо от ямской повинности и несения караульной службы [Там же, с. 42]. Данная привилегия представителей буддийского духовенства была ещё ранее закреплена за ними в Указе от 1741 года Елизаветой Петровной. По предположению А. Т. Тумуровой, в составлении Селенгинского уложения 1775 года наряду с представителями родовой аристократии принимал активное участие хамбо-лама Заягийн [15, с. 29]. Таким образом, нормы наказания за оскорбления словами или действиями представителей буддийского духовенства, вероятно, были разработаны под непосредственным его влиянием, что свидетельствует о стремлении укрепить влияние буддийского духовенства на все сферы общества и утверждения его «сословных привилегий» [Там же].

В Селенгинском уложении 1775 года содержатся нормы наказания за оскорбления словами или действиями представителей буддийского духовенства. В определении меры наказания ориентиром становился социальный статус обидчика и обиженного. Важно отметить, что в случае посягательства на духовное, как правило, штраф предусматривался в пользу ламаисткой церкви [14, с. 146], но в случае причинения вреда светскому лицу штраф в пользу казны ламистской церкви не взимался. За оскорбление или причинение вреда духовному лицу штраф назначался в виде расходов месячного хурала: так, например, в статье уложе-

ния говорится, в случае причинения вреда главному цоржи необходимо принять на себя расходы месячного хурала [16, с. 33]. При незначительных нарушениях размер штрафа был небольшой и определялся следующей мерой – виновник должен был «варить чай в дацане в течение недели» [Там же]. Предусматривались и телесные наказания, но такому наказанию обычно подвергались представители буддийского духовенства низшего звена.

Привлекает внимание тот факт, что в Уложении оговаривается ситуация конфликта между представителями светской и духовной аристократии. Как отмечает А. Т. Тумурова, согласно Селенгинскому уложению 1775 года между светскими и духовными должностными лицами нет административных отношений, поскольку нет наказания в случае посягательства одного на другого [14, с. 146].

В целом сферы влияния духовных и светских должностных лиц разграничиваются. В Селенгинском уложении 1823 года мы видим статью, которая разделяет сферы влияния светской и религиозной аристократии. Так, согласно данной статье начальствующие люди в дацанах «не имеют права вмешиваться в мирские разные судебные дела» не только между «простыми податными, но и податными хувараками». Обязанностью лам было определено «наблюдение во время хуралов и богослужений в дацанах за соблюдением правил службы ламами», а также «распространения бескорыстия, кротости, благоговения верой и умножения познания религии» [16, с. 75].

В архивных документах засак-ламы Галсана Гомбоева, опубликованных Г. Н. Румянцевым, мы находим Указ Иркутского губернского правительства управляющему Селенгинскими пятью кумирнями бандидо-хамбо ламы Данзан Гаван Иши Жамсуеву о позволении построить новую кумирню, в котором определяется положение главного ламы над другими ламами. Во-первых, главный лама «должен быть наставник, проповедник, настоятель, книжник, словом человек учёнейший и искуснейший», однако в его обязанности входило «чинить рассмотрение о ламах... чинить надлежащее по закону их поправление или наказание, или же лишение ламских титулов», но при этом «ни в какие мирские дела не вступать» [9, с. 50].

Однако дела, касающиеся комплектных лам в дацанах, находятся в ведении лам высшего звена. В следующей статье дан-

ного уложения говорится о том, что если сайты во время допроса или расследования какого-либо дела будут затрудняться, то должны пригласить главного или же почётного ламу из дацана и «допросить того, кого это касается через присягу» [16, с. 75].

Кроме того, в данном уложении зафиксировано правило выбора должностных лиц как светских, так и религиозных. Главным критерием при выборе является родовитое происхождение. В уже упомянутом документе архива Засак-дамы мы видим прямое указание губернского правительства выбирать лам «из детей старшинских, то есть тайшинских, шуленгских и зайсанских, производя их по выбору и знанию ламства по одобрению в поведении родовых тайшей, шуленг, зайсанов и других хороших неподозрительных людей» [9, с. 50].

В послужном списке бандидо-хамбо ламы Чойнзин Иролтуева мы находим описание того, как он вступил в должность главного ламы: «Во время производства выборов трёх кандидатов в должность Бандидо-хамбо ламы вместо покойного Гомбоева выбран тремя кандидатами. Вследствие чего на основании вышесказанного положения он, Иролтуев, высочайшей грамотой утверждён в звании Бандидо-хамбо ламы. По получении Высочайшей грамоты присягнул Его Императорского величества и законному Его Наследнику в Гусиноозерском дацане вступил в отправление своей должности»¹.

Таким образом, в дацанах, как и в гражданском управлении, у власти стояла знать. Ламаистской церковью управляла наследственная каста высшего духовенства, родовитая и влиятельная своими связями в верхушке бурятского общества [7, с. 73].

В Положении 11 Хоринских родов 1808 года также содержатся нормы наказания за оскорбления словами или действиями представителей буддийского духовенства. Согласно данным нормам штраф выплачивается в пользу народа, но виновник должен был сварить чай в дацане на определённую сумму, которая зависела от социального статуса виновного. Кроме того, взыскивалась сумма в пользу ламы. В случае причинения вреда главному тайше – надворному советнику и виновным окажется лама высокого звания, то виновник варил чай в дацане на 3 р., выплачивал штраф в пользу народа в размере 20 р., а также выплачивал нойону компенсацию за моральный ущерб 21 р. 25 коп. [17, с. 25].

¹ ГАРБ. – Ф. 84. – Д. 360. – Л. 3.

В Уложении 1823 года 11 Хоринских родов первая глава посвящена вопросам буддийских кумирен и находящихся в них ламам. В контексте данного исследования внимание привлекают лишь некоторые статьи. Так, в первой статье, говорится о том, что строительство новой кумирни и её ремонт должны производиться без поборов с населения, «а путём привлечения инициативы и пожертвования лучших людей», а также путём сбора подношений с населения [Там же, с. 61]. В решении данного вопроса, как отмечает К. М. Герасимова, образовался непосредственный союз нойонства и буддийского духовенства, поскольку сбор средств, строительство дацана, его ремонт удостоверялись подписями родоначальников, без которых дело не могло быть представлено на разрешение в высшую инстанцию [4, с. 49]. Кроме того, К. М. Герасимова указывает на тот факт, что постановления о необходимости ремонта составлялись узким кругом духовного и светского начальства, из числа которых избирались комиссии, впоследствии руководившие сбором средств и дельнейшими строительными работами [4, с. 50].

Таким образом, начинания представителей буддийского духовенства представлялись как решения общества, а выборы с населения оформлялись как подношения представителей родовой аристократии. Все эти ухищрения проводились для царской администрации, чтобы будущее строительство состоялось.

В данном Уложении имеется статья, согласно которой выбор сановника, ведающего делами религии, производится из числа наиболее состоятельных лиц в дацане, в утверждении которого участвуют светские зайсаны и нойоны [17, с. 62].

Представители буддийского духовенства стремились установить диалог с царской администрацией, сделали первый шаг и создали особо важный документ, который должен был способствовать формированию положительного образа новой для Российской империи религии. Примером такого «диалога» является селенгинско-хоринский устав 1841 года. В преамбуле документа говорится, что в его составлении принимали участие главный лама Бандида-хамбо и ламы высшего духовенства, а также представители бурятских родоначальников. Наше внимание привлекает тот факт, что представители буддийского духовенства настаивают на введении отличительных знаков в среде буддийской об-

щины по примеру светских родоначальников. Так, в частности они просят утвердить в качестве знака отличия жинчи украшение на шапке. Цвет и материал отличительного знака зависел от занимаемой должности [16, с. 78].

Как отмечает Н. В. Цыремпилов, данный документ является примером стратегии буддистов в поиске конструктивного диалога с властями с целью легитимации сложившейся ситуации в буддийской сангхе [18, с. 136].

В Хоринском Положении 1851 года мы видим статью, согласно которой титулованные ламы высшего буддийского звена – ширету, цоржи, шанзотбу – избираются духовенством и прихожанами дацана. Но их утверждение подтверждается главным хоринским тайшой и главным ламой [17, с. 88]. Кроме того, настоятель дацана через да-ламу был в контакте с властями административно-территориальных ведомств – хошунов, сомонов. Хошунный начальник – голова, сомонный зайсан выполняли требования дацанского управления о выделении из общинных земель выгонов для дацанского скота, пахотных и сенокосных угодий, следили за исполнением обязанностей прихожан по требованиям ведомственного дацана [7, с. 66].

В процессе становления самостоятельной буддийской церкви в Забайкалье возникло три религиозных центра, которые стремились получить высшую должность в управлении ламаистов Забайкалья. Соперничество трёх религиозных центров – зеркало борьбы трёх группировок бурятского нойонства. Каждая из них стремилась захватить ведущее положение

в церковной иерархии для членов своей семьи, приближенных к нойонскому дому, поскольку это был важнейший рычаг власти: религиозная санкция обладала силой высшего авторитета не только в духовных делах, но и в административно-хозяйственных [Там же, с. 25].

Выводы. Таким образом, трансформация содержания «степных законов» бурят за период с XVIII по XIX век отражает процесс постепенного расширения и закрепления привилегированного положения верхушки бурятского общества [17, с. 5].

Историко-диахронный анализ памятников обычного права бурят со второй половины XVIII по XIX век показывает нарастающую интеграцию буддийского духовенства в социально-политическую жизнь региона.

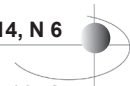
Активная интеграция буддийского духовенства в политическую жизнь бурятского общества объясняется лояльностью имперских властей к новой религии и в целом осторожной позицией власти в Забайкалье – приграничном с Цинской империей регионе. Проявляя лояльность к буддизму, имперские власти преследовали разные цели: опасались вызвать недовольство населения, желали видеть в буддийском духовенстве своих союзников, стремились установить контроль над зарубежными связями бурят.

Тесное взаимодействие бурятского нойонства и буддийских иерархов во многом было обусловлено родственными связями родовой аристократии и духовных лидеров – представители буддийского духовенства и родовой аристократии бурят нередко являлись выходцами из одной семьи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

Список литературы

1. Балданов С. С. Административное управление Российским государством Бурятией (конец XVII – начало XX века). Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. 134 с.
2. Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 436 с.
3. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 398 с.
4. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX века. Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры БМАССР, 1957. 159 с.
5. Жамцарано Ц., Турунов А. Обзорение памятников писаного права монгольских племён // Сборник трудов профессоров и преподавателей государственного Иркутского университета. 1921. Вып. 1. С. 1–13.
6. История Бурятии. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. 624 с.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. Новосибирск: Наука, 1983. 223 с.

8. Очерки истории культуры Бурятии / отв. ред. Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. Т. 1. 491 с.
9. Румянцев Г. Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 57 с.
10. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племён. Чита: Управление Бурят-Монгольской автономной области, 1921. 123 с.
11. Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное): исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева. 1931. 306 с.
12. Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Тип. И. Носковско-го, 1876. 282 с.
13. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.
14. Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: БГУ, 2005. 240 с.
15. Тумурова А. Т. Обычное право бурят. Селенгинское уложение 1755. Улан-Удэ: БГУ, 2004. 115 с.
16. Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 283 с.
17. Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.
18. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 338 с.

Статья поступила в редакцию 15.09.2019; принята к публикации 20.10.2019

Сведения об авторе

Митыпова Наталья Максимовна, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: mitipova.natalya@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2901-7298.

Библиографическое описание статьи

Митыпова Н. М. Обычное право бурят: интересы буддийского духовенства и родовой аристократии в правовом пространстве (вторая половина XVIII – XIX вв.) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 121–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-121-128.

The study was financially supported by the grant of the Government of the Russian Federation 14.W03.31.0016 "The dynamics of peoples and empires in the history of Inner Asia"

References

1. Baldanov, S. S. Administrative management of the Russian state of Buryatia (late XVII – early XX centuries). Ulan-Ude: VSGTY, 2005. (In Rus.)
2. Buddhism in history and culture of Buryats. Garry, I. R., ed. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nome, 2014. (In Rus.)
3. Zalkind, E. M. The social structure of the Buryats in the XVIII – first half of the XIX century. M: Nauka, 1970. (In Rus.)
4. Gerasimova K. M. Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries. Ulan-Ude: Printing house of the Ministry of Culture of the BMASR, 1957. (In Rus.)
5. Zhamtsarano, Ts., Turunov, A. Review of the monuments of the written law of the Mongol tribes. Collection of articles by professors and teachers of Irkutsk state university. Irkutsk, pp. 1–13, vol. 1, 1925. (In Rus.)
6. The history of Buryatia. XVII – beginning of XX century. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2011. Vol. 2. (In Rus.)
7. Lamaism in Buryatia XVIII – early XX century. The structure and social role of the cult system. Galdanova, G. R., Gerasimova, K. M., Dashiev, D. B., Mitypov, G. Ts., editors. Novosibirsk: Nauka, 1983. (In Rus.)
8. Essays on the history of culture of Buryatia. Zalkind, E. M., ed. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1972. Vol. 1. (In Rus.)
9. Rumyantsev, G. N. Archive of Zasad Lama GalsanGomboev. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1959. (In Rus.)
10. Ryazanovsky, V. A. Customary law of the Mongol tribes. Chita: Office of the Buryat-Mongol Autonomous Region, 1921. (In Rus.)
11. Ryazanovsky, V. A. Mongolian law (mostly customary): historical essay. Harbin: Pub. N. E. Chinareva, 1931. (In Rus.)
12. Samokvasov, D. I. Collection of customary law of indigenous population of Siberia. Warsaw: Pub. Ivana Noskovsky, 1876. (In Rus.)

13. Skrynnikova, T. D. Lamaist church and state. Outer Mongolia. XVI – the beginning of the XX century. Novosibirsk: Nauka, 1988. (In Rus.)
14. Tumurova, A. T. Genesis of Buryat Customary Law. Ulan-Ude: BSU, 2005. (In Rus.)
15. Tumurova, A. T. Common law of Buryat people (Seleginsk code by 1775). Ulan-Ude: BSU, 2004. (In Rus.)
16. Tsibikov, B. D. Customary law of the Selenga Buryats. Ulan-Ude: Buryat book Publishing, 1970. (In Rus.)
17. Tsibikov, B. D. Customary Law of the KhoriBuryats: Monuments of Old Mongolian Literature. Novosibirsk: Science Publishing, 1992. (In Rus.)
18. Tsyrempilov, N. V. Buddhism and empire. The Buryat Buddhist community in Russia (XVIII – early XX centuries). Ulan-Ude: IMBT SB RAS, 2013. (In Rus.)

Received: 15 September 2019; accepted for publication October 20, 2019

Information about author

Mitypova Natalya M., Postgraduate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: mitipova.natalya@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2901-7298.

Reference to the article

Mitypova N. M. Customary Law of the Buryat People: Interests of the Buddhist Clergy and Tribal Aristocracy in the Legal Space (Second Half of the 18th – 19th Centuries) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 6. PP. 121–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-121-128.
